

УДК 94(470.6)
ББК 63.3 (235.7)
Т 49

Р.А.Тлепцок,

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, тел. (8772) 53-06-14

**Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в.
на Северо-Западном Кавказе
(Рецензирована)**

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса подготовки и реализации аграрных преобразований 60-х гг. XIX в. на Северо-Западном Кавказе. Особое внимание сосредотачивается на различных законодательных инициативах кавказской администрации, по разным причинам не подвергавшихся акцентированному исследовательскому вниманию.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, аграрные преобразования, реформа

R.A.Tleptsok,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of General History Department of Historical Faculty, the Adyghe State University, ph.(8772 53-06-14

Agrarian transformations of the 1860s in the North-West Caucasus

Abstract. The paper examines the process of preparation and realization of agrarian transformations of the 1860s in the Northwest Caucasus. Special attention is paid to various legislative initiatives of the Caucasian administration, for various reasons, not exposed to the accented research attention.

Keywords: the North Caucasus, the Russian empire, agrarian transformations, reform.

Процесс инкорпорации Северного Кавказа в полиэтничную систему Российской империи, сфокусировавший в себе широкий спектр вопросов: от военно-колониционного решения задачи вхождения региона в территориально-политическую структуру империи до его социально-экономической эволюции и хозяйственного освоения, несмотря на накопленный исследовательский опыт, продолжает сохранять свою значимость. Главным в этом сложном и чрезвычайно болезненном процессе было решение аграрного вопроса, учитывая социально-экономическую специфику региона. Особые трудности в урегулировании аграрного вопроса обуславливались не только аграрной спецификой региона, но и исторически сформировавшимися противоречиями, связанными с природно-географической средой, характером хозяйствования и землепользования.

Отмена крепостного права в России, попытки разрешения аграрного вопроса в стране, а также необходимость социально-экономического освоения нового региона поставили перед царской администрацией еще до завершения Кавказской войны задачу интенсивной подготовки к реформированию аграрной сферы. Не случайно первым шагом в осуществлении реформ на Северо-Западном Кавказе явилось «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области»

(июнь 1861 г.), разработанное командующим войсками Кубанской и Терской областей генерал-адъютантом графом Н.И. Евдокимовым. Согласно документу население делилось на три категории в отношении права на получение земельного надела. Крупные феодалы, составляющие первую категорию, обратившие на себя внимание царизма «особыми своими заслугами», должны были получить землю «в потомственное и вечное пользование» [1]. Дворянам второй категории намечалось выделить землю целой фамилии по числу ее членов «из расчета, что каждый старший член семьи получит в личную собственность от 100 до 200 десятин», сверх того, на каждую остальную душу мужского пола полагалось еще по 30 дес. [2]. В третью группу включались «простые люди, составляющие свободный класс народа и живущие на землях владельцев» [3].

Становилось очевидным, что «Положение» 1861 г. создавало реальные условия для преодоления той «неопределенности» в феодальном землевладении среди горских народов, которая в прошлом порождала нескончаемые споры и даже вооруженные столкновения между феодалами и крестьянами. «Положение» 1861 г. было призвано юридически закрепить наличие капиталистического пути развития сельского хозяйства, закладывало основы для создания крупного частного землевладения на Северо-Западном Кавказе, способного служить опорой самодержавной власти «в лице горских феодалов». С иных позиций подходило «Положение» 1861 г. к вопросу о наделении горских крестьян землей. Лица третьей категории, состоящие из крестьян-общинников, должны были получить в среднем по 7 десятин на душу мужского пола, но обязательно в системе общинного землепользования. Что касается крепостных крестьян и холопов, «Положением» 1861 г. не предусматривалось наделение их землей. Как царское правительство, так и автор «Положения» 1861 г. считали, что крепостные крестьяне и холопы у горцев должны пользоваться землей из латифундии «своих господ» [4]. Позднее, когда необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости стала очевидной, они были включены в число лиц, имевших право на получение земельного надела из общинной земли.

После того, как главнокомандующий Кавказской армией утвердил «Положение» 1861 г. Н.И. Евдокимова, а император Александр II одобрил его, Кавказская администрация приступила к реализации его основных пунктов. Действие документа распространялось только на ногайский и абазинский народы, которые считались официально вошедшими в состав России и проживали в Верхне-Кубанском и Нижнекубанском приставствах. Однако бжедуги и натухаевцы, проживавшие в Бжедуговском и Натухаевском округах, считавшиеся «мирными» и вошедшие в 1860 г. в административную систему Российской империи под действие документа не попадали.

В соответствии с «Положением» абазинские и ногайские феодалы Верхне- и Нижнекубанских приставств получили крупные земельные наделы. К примеру, Султан Адиль-Гирей получил 13 тыс. дес., Мамат – Гирей Лоов – 5 тыс. дес. [5]. Наделять землей горских крестьян, больше всех страдавших от неурегулированности земельных отношений и малоземелья, администрация не спешила. Однако по мере завершения Кавказской войны становилось очевидным, что «Положение» 1861 г. не позволяло окончательно снять проблемы, связанные с аграрными преобразованиями в регионе.

Следуя предписанию Александра II, данному в рескрипте (24 июня 1861 г.), граф Н.И. Евдокимов к лету 1862 г. разработал новый проект – «Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Царская администрация поставила дальнейший ход земельной реформы в зависимость от наделения землей казаков и переселенцев. В конце 1832 г. вышел Указ, по которому в целях усиления российского присутствия в

регионе разрешалось селиться на этих землях различным категориям свободного населения. Хотя этот указ не распространялся, естественно, на крепостных, однако он вызвал большую волну самовольных переселений именно помещичьих крестьян ряда центральных губерний. Правительству пришлось принять энергичные меры для возвращения беглецов и отменить изданный указ. Для возвращения самовольно ушедших крестьян были специально командированы флигель-адъютанты [6].

Правительство рассчитывало на «свободные» земли Северо-Западного Кавказа переселить значительную часть крестьян из внутренних губерний и, таким образом, ослабить остроту аграрного вопроса в стране и связанный с ним кризис. Этим объясняется нарочитое распространение еще до окончания Кавказской войны в 1861 г. среди крестьян Рязанской, Воронежской и других губерний слухов о привлекательности переселения на Кавказ, где не только «... земли раздадут, и еще деньги платят, коли пойдешь в казаки» [7]. При разработке нового «Положения» перед Н.И. Евдокимовым стояла задача избежать и загладить те ошибки, которые прежде допускало правительство при заселении Северного Кавказа. В основу «Положения» 1862 г. был положен принцип добровольности и предусматривалось оказание переселенцам ощутимой помощи. «Положение» ставило решение земельного вопроса в крае в прямую зависимость от удовлетворения в первую очередь потребностей казачьего войска, крупной военной и гражданской бюрократии [8]. Согласно документу предгорья Западной части Кавказского хребта должны были заселяться казачьими станицами «с целью окончательного покорения горских племен», как предписывал Александр II генерал-адъютанту Н.И. Евдокимову в рескрипте от 24 июня 1861г. [9].

Под казачьи станицы было отдано пространство «примерно 1 млн. 360 тыс. десятин земли, по 20 десятин на каждую душу». Чтобы привлечь переселенцев на новые земли, царское правительство выделило пособия и льготы. Так, семейству служащего офицера при переселении выдавалось: от казны подъемные единовременные в сумме 285 руб. 71,5 коп., жалованье устанавливалось «по чину, по усиленным окладам армейской службы, по приказу Военного министра от 26 мая 1859 г. в течение 6 лет со дня прибытия на место водворения». Кроме того, от Кубанского казачьего войска семействам служащих и отставных офицеров и нижним чинам выделялось дополнительное пособие: офицерам –150 руб., нижним чинам – 75 руб.[10]. Семействам государственных крестьян и других податных сословий полагалось от казны: единовременно на первоначальное обзаведение хозяйством –107 руб.14 коп., на вооружение – 15 руб. Сверх того, слагались недоимки по податям и хлебному сбору “с тех, на коих таковые числятся” [11]. Всем переселившимся в указанные места назначалось в частную и вечную потомственную собственность: каждой офицерской семье от 25 до 50 дес. удобных земель [12]. Остальным жителям выделялись наделы на основании общих правил.

Переселенческая миграция на Северо-Западный Кавказ усилила подвижность населения и придала народной колонизации более широкий размах. На протяжении всего пореформенного периода народная колонизация сопутствовала колонизации правительственной и тесно переплеталась с ней. Самовольное переселение государственных крестьян и беглых помещичьих крестьян протекало вопреки запретам властей. Вместе с тем местная администрация понимала, что возвратить всех беглых невозможно, поэтому время от времени она соглашалась на зачисление беглых крестьян в казаки.

Уже в 1862 г. переселенцами на Северо-Западном Кавказе было основано 15 станиц: Абадзехская, Баговская, Белореченская, Гиагинская, Даховская, Егерухаевская, Келермесская, Махошевская, Псебайская, Псекупская, Пшехская,

Севастопольская, Ханская, Хамкетинская, Царская. На землях натухаевцев, уходивших в Турцию, было основано 8 станиц: Анапская, Благовещенская, Варениковская, Верхнеабдзехская, Гаевская, Гостагаевская, Новороссийская и Анапский поселок. Всего 23 станицы, в которых проживало 4387 семейств [13]. Через год, в 1863 г., в Закубанском крае были заселены 2 района: один к востоку от Адугумской линии до реки Иль, а другой – между течениями рек Пшиш и Белая. На этих землях было также обустроено 20 станиц. На базе образованных станиц были сформированы в Кубанском казачьем войске 2 новых конных полка: Абинский и 26-й [14]. Расселение станиц производилось зачастую без учета интересов горцев. В результате более 151 тыс. горцев потеряли земельные наделы, которыми ранее владели [15].

Конечно, официальные власти пытались «нарисовать» позитивную картину социальных и межнациональных отношений в регионе в своих отчетах. Так, наказной атаман Кубанского казачьего войска, посетив в мае 1866 г. ряд прикубанских бжедуговских аулов, писал, что, несмотря на самое близкое соседство их территорий с землями казаков «казаки означенных станиц и жители аулов нисколько не встречаются между собой недоразумений, а напротив, они живут как близкие, добрые соседи» [16].

Порядок заселения горцев на новые территории контролировал начальник Кубанской области граф Эльстон Сумароков, с соблюдением следующих условий:

1. Тем из горцев, которые первыми изъявляют желание переселиться в указанные места, отводить земли, по возможности согласуясь с их собственными желаниями.

2. Семейства, выходящие из гор, селить в аулы от 100 до 200 дворов, принимая, по мере возможности, во внимание желания самих выходцев относительно выбора себе односельчан.

3. В каждом ауле назначить старшину из числа двух или трех кандидатов, избранных самими жителями.

4. Каждому аулу отмежевать землю по числу его населения / не считая холопов/ не позже как на второй год его поселения, чтобы под управлением царской администрации горцы могли приобрести оседлость и собственное хозяйство.

5. При переселении на новые места объявить горцам их права и обязанности, возложить на каждый аул ответственность за разбой, который случается на его землях.

6. По мере заселения новых поселений учредить в них участковые и окружные управления.

7. Составить посемейные списки жителей каждого аула, обязав старшин строго следить, чтобы никто из лиц, не внесенных в списки, без разрешения начальства не селился в аул и не выселялся из него [17].

Земли, отмежеванные аулам, не могли, конечно, удовлетворить потребности крестьян, страдавших от малоземелья и безземелья. «Холопам» же на новых местах жительства вообще не выделялся надел в соответствии с положениями документа.

В целом, вся жизнь горского аульного общества строго контролировалась кавказской администрацией и не должна была выходить за рамки выданных ей предписаний. Благодаря созданным на местах органам, военно-административный аппарат Кубанской области получал возможность следить за каждым жителем и предупреждать возникновение различных недовольств со стороны горцев. Согласно «Положению» 1862 г. казакам выделялось по 20 дес. земли на душу. Горцам же, «нужды которых гораздо ограниченнее наших поселян», писал Н.И. Евдокимов, назначался надел 4-5,5 дес. на душу мужского пола. Аргументируя неравноправие при распределении земельных наделов, Н.И. Евдокимов указывал, что «большой поземельный надел для горцев будет положительно вреден. Изобилие земли даст им возможность пренебрегать ее возделыванием и заниматься усиленно скотоводством. Этот промысел, когда берет перевес над земледелием, приучает жителей к праздности»

[18]. Возникший «земельный голод» предполагалось разрешить за счет агитации турецких агентов, ратовавших за переселение горцев в Османскую империю. «Часть нынешнего населения гор не пожелает подчиниться нашим требованиям, и удалятся в Турцию,- писал Н.И.Евдокимов,- чем больше окажется таких переселенцев, тем меньше затруднений мы будем иметь при дальнейшем устройстве покоренного края » [19].

«Положение» 1862 г. касалось той части горцев, которые еще не сложили оружие и продолжали борьбу. Что касается Верхне - и Нижнекубанских приставств, то в них земельные преобразования осуществлялись по проекту «Положения» 1862 г., и с середины года были начаты межевые работы. Примечательно, что из земель, отведенных горцам, большие участки были отмежеваны царским генералам, активно воевавшим против горцев в период Кавказской войны. Граф Н.И. Евдокимов получил 10666 дес., генерал-адъютант А.П. Карцов –7637 дес., граф Сумароков Эльстон – 6526 дес. и т.д. [20]. Огромные земельные участки закрепляли за собой даже чиновники из Петербурга. Так сенатор Оголин около аула Тахтамукай имел участок в 2548 дес., полковник Дукмасов около аула Бжедугхабль владел 1325 дес. земли[21]. Не были забыты и «услуги» черкесской знати, сотрудничавшей с царской администрацией. Большие наделы получили генерал-майор Пшекуй Могуроков, князья Нарузовы – 1 тыс.дес., Довлет-Гирей Бибедов – 500 дес., поручик Тавшук Улагай , ротмистр Ислам Туко и др. [22].

Новое «Положение» носило явно тенденциозный характер. Оно ожесточило горцев против царизма и явилось одной из причин продолжения Кавказской войны вплоть до 1864 г. Рано или поздно, царское правительство должно было пойти на отмену крепостного права на окраинах империи. Исходя из этого, оно начало разрабатывать проект увеличения земельного надела для лиц третьей категории и наделения земель крепостных крестьян. Но для составления проекта необходимо было выяснить, какую систему землепользования положить в основу нового проекта – общинную или частнособственническую. Для решения этого вопроса было поручено начальникам приставств собрать «сведения о том, какой вид пользования поземельной собственностью существует у различных горских племен Кубанской области» [23].

Нельзя было не учитывать, что в результате военных действий была нарушена система хозяйства, складывавшаяся веками. Начальники приставств не вникали во все эти тонкости в ходе подготовительных работ, они сообщали в управление Кубанской области, что у горцев нет и не было собственности на землю, что вся земля являлась и является собственностью всего общества. Кавказская администрация с радостью восприняла это сообщение. Отрицая право собственности горской знати на землю, правительство преследовало далеко идущие цели. Оно было намерено оставить в своем распоряжении как можно больше земли, которую предполагало использовать, с одной стороны, в колониальных целях, а с другой, – чтобы подорвать политическое господство той части горской знати, которая по разным причинам стояла в оппозиции к царизму. Таким путем правительство решило использовать реформу в качестве средства для подрыва экономической мощи и авторитета горского дворянства.

По этим причинам царское правительство выдвинуло новую точку зрения, согласно которой земля считалась общинной, а жители признавались общинниками. Эта идея должна была представить царские власти и правительство в глазах горского крестьянства в роли «защитника» от местной знати. В целом, правительство не намерено было отказываться от поддержки местных князей и дворян, «отнять же у аристократов,- писал главнокомандующий Кавказской армией генерал В.В. Орбелиани военному министру Д.А.Милютину в 1861 г.,- все прежние права, хотя и силою приобретенные, но освященные и узаконенные давностью времени, было также не

справедливо» [24]. Он так предлагал провести земельную реформу, чтобы ослабить позиции князей и укрепить положение царских властей. Кроме того, сохранение общинного землепользования с его уравнительным началом должно было, по мнению правительства, обеспечить на основе круговой поруки своевременную уплату крестьянами выкупных платежей и исполнения других повинностей. У общины имелось и то преимущество, что она предотвращала возможность непосредственных столкновений феодала с крестьянином.

Наконец, взвесив все «за» и «против» правительство приняло компромиссное решение. В новом проекте должно было найти отражение и общинное, и частнособственническое землепользования. Частная собственность на землю была выгодна царизму, поскольку она создавала условия для развития крупного помещичьего хозяйства и капиталистических отношений. Действительно, многие исследователи сходятся на мысли о том, что община играла роль «средневековой перегородки», препятствовала дальнейшему развитию производительных сил в сельском хозяйстве, задерживала процесс развития капитализма в деревне [25].

18 июня 1865 г. командующий Кавказской армией В.В. Орбелиани предложил начальнику Кубанской области наделить всех лиц третьей категории и крепостных участками в общинное пользование. Было решено в Лабинском и Псекупском округах довести душевой надел земли до 9 дес., в Урупском округе от 10 до 12 дес., в южной части Зеленчукского округа – до 14 дес., а в абазинских селениях – 12 дес. Были дополнены списки лиц первых двух категорий, которым было отведено 3300 дес. земли [26].

Непосредственным результатом земельной реформы было введение на Северо-Западном Кавказе государственной поземельной подати. К обложению горцев государственным налогом власти готовились долго и тщательно, чтобы не вызвать волнений. «Обложение податями, - по признанию главнокомандующего Кавказской армией, - представляло затруднения и требовало наибольшей осторожности как в самом исполнении, так и в подготовке к нему населения» [27]. Только в 1865 г. было решено ввести подати с 1 января 1866 г., так как уже успешно действовала комиссия по вопросу наделения земель, а часть наиболее беспокойного населения переселилась в Турцию. Для горцев Кубанской области назначалась плата в 3 руб. со двора. При этом финансовое состояние не принималось во внимание. Налоговый гнет, исходя из положения о налоговых ставках подымно, ложился на крестьян тяжелым грузом и имел тенденцию к увеличению. Введенная в 1865 г. поземельная повинность, по замыслу властей, должна была стать фундаментом, на котором строилась бы в будущем вся податная налоговая система [28].

В 1866 г. с 7867 дворов, обложенных поземельным налогом, поступил 20341 руб., на 1868 г. с 9791 двора планировалось получить 34238 руб. [29]. В Лабинском округе за вторую половину 1867 г. и первую 1868 г. было собрано 3570 руб. серебром [30]. Кроме того, царскими властями проводились сборы за арендное и оброчное содержание свободных земель в горских округах Кубанской области. Эти сборы складывались из следующих источников: 1. За пастьбу скота от 5 до 15 коп. за голову, мелкого – от 1 до 4 коп. за голову; 2. За покос, смотря по урожаю, от 2 до 5 руб. со скошенного стога; 3. За распашку по 3 руб. с десятины целины и по 1,5 руб. с десятины использованной земли; 4. За мельницы по 5 руб. с постова; 5. Штрафы за самовольную пастьбу скота [31].

В течение 1867-1870 гг. на Северо-Западном Кавказе проводятся съемочные и топографические работы с целью награждения земельными участками активных проводников колониальной политики как из числа царских чиновников, так и из числа местных жителей. В 1866 г. для осуществления земельной реформы в Кавказском крае

был учрежден особый комитет под председательством статского советника Старицкого. 28 мая 1868г. по приказу главнокомандующего Кавказской армией была создана временная комиссия для ускорения подготовки проекта разделения казачьих, горских и свободных земель в Кубанской области. В течение 1865-1870 гг. представителям царской военной и гражданской администрации на Северо-Западном Кавказе было выдано около 300 тыс. дес. земли [32]. За этот же период 230 представителей горских феодалов получили более 110 тыс. дес. земли [33], в основном те, кто воевал в Кавказской войне на стороне Российской империи.

23 апреля 1870 г. издается «Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность», которое предоставляло право наделять указанных лиц земельной собственностью в следующих размерах : 1) произведенным по службе генералам – по 1500 дес., штаб-офицерам- по 400 и обер-офицерам – по 200 дес. каждому ; 2) генералам в отставке – по 800 дес., войсковым старшинам – по 300 дес., хорунжим- по 100 дес. каждому ;3) классным чиновникам не ниже IV класса- наравне с генералами, не ниже VIII класса- наравне со штаб-офицерами, а остальным – наравне с обер-офицерами [34].

В Екатеринодарском отделе Кубанской области в 1867-1870 гг. были отмежеваны 30 крупным царским военным сановникам около 80 тыс. дес. земли . Девяти станицам и селам были отмежеваны земли в количестве 60363дес. [35]. В Майкопском отделе 153 русским военным деятелям было отмежевано более 100 тыс. дес. земли. В Баталпашинском отделе большие земельные латифундии получили граф Коцебу – 6069дес., барон Врангель-6056дес., граф П.Х. Грабе - 6050дес. и др. Более 190 представителям горской феодальной знати было выделено около 70 тыс. дес., а 26 аульным юртам было отмежевано всего 12500 дес. земли [36].

Приведенные данные наглядно показывают в чьих интересах была проведена земельная реформа. Осуществляя аграрные преобразования, царское правительство изыало у горцев лучшие земли и раздало их кубанскому казачеству и переселенцам из России. В первую очередь наделялись землей представители горской феодальной знати, военные и чиновники царского правительства, распределение же земель между горскими крестьянами затягивалось на десятилетия. Проведение аграрных преобразований в регионе соответствовало планам и интересам правительства, направленным на расширение российского присутствия путем изменения демографической, национальной и социальной структуры.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 252. Войсковое правление Кубанского казачьего войска. Оп. 2. Д. 1088. Л. 14-15.
2. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 149. Лл. 14-15.
3. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д, 1990. С. 15.
4. ГАКК. Ф. 252 Оп. 2. Д. 1089. Лл. 2-4.
5. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 269. Лл. 23-42.
6. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1960. С. 48-52.
7. Там же.
8. Джимов Б.М. Характер колониальной политики царизма на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в // Черкесия в XIX в. Майкоп, 1991. С. 65-66.
9. Кубанский календарь на 1900. Т. 6. Екатеринодар, 1899. С. 1.

10. По мнению В.П. Громова, отличительной особенностью переселений казаков, осуществлявшейся правительством, являлся их скорее принудительный, нежели добровольный характер. Правительство предписывало тому или иному казачьему войску выделить необходимый контингент для заселения определенных участков на Северо-Западном Кавказе. Зачастую такие акции вызывали недовольство, поскольку частые переселения разоряли хозяйства казаков. См.: Громов В.П. Формирование русского населения в Адыгее в XIX в. // Черкесия в XIX в. Майкоп, 1991. С. 169-180.
11. Кубанский календарь на 1900 г. Т. 6. Екатеринодар, 1899. С. 12.
12. Там же. С. 16.
13. История народов Северного Кавказа. Т. 2. М., 1988. С. 12.
14. Там же. С. 214-215.
15. ГАКК. Ф. 249. Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 2768. Л. 1.
16. Кубанский календарь на 1900. Т. 6. Екатеринодар, 1899. С. 39.
17. Там же. С. 40.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Кавказский комитет (1845-1881 гг.). Оп. 10. Д. 77. Лл. 6-7.
19. Кубанский календарь 1900. Т. 6. Екатеринодар, 1899. С. 40.
20. Памятная книжка Кубанской области (далее - ПККО). Екатеринодар, 1876. Отд. 2. С. 101-115.
21. Там же. С. 102-115.
22. Джимов Б.М. Указ. соч. С. 65-67.
23. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1089. Лл. 16-18.
24. Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды КЧ НИИ. Черкесск, 1957. Вып. 3. С. 117.
25. См.: Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800-1868 гг.) // Ученые записки АНИИ. Т. 11. Майкоп, 1970; Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – начало XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1985 и др.
26. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 149. Лл. 4-11.
27. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д, 1990. С. 21.
28. Так как платежи развешивались подымно, феодалы платили столько же, сколько и беднейшие крестьяне. Дополнением к этому налогу были многочисленные трудовые и мирские повинности: содержание и исправление дорог, мостов, переправ и плотин, содержание лошадей для разъездов земской полиции, этапная повинность и др.
29. Кубанские войсковые новости. Екатеринодар, 1867. 2 декабря, № 47. С. 2.
30. ГАКК. Ф. 774. Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами. 1865-1870 гг. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
31. Кубанские войсковые новости. Екатеринодар, 1867. 2 декабря, № 47. С. 2.
32. ПККО. Отд. 2. Екатеринодар, 1876. С. 101-105.
33. Там же.
34. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С. 180.
35. ПККО. Екатеринодар, 1876. Отд. 2. С. 74-75.
36. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д, 1990. С. 21.

References:

1. The State Archives of Krasnodar territory (hereinafter referred to as – SAKT). F. 252. The Kuban Cossack army governing board. Op. 2. D. 1088. L. 14-15.
2. SAKT. F. 252. Op. 1. D. 149. Ll. 14-15.
3. The peasantry of the North Caucasus and Don in capitalism period. Rostov-on-Don, 1990. P. 15.
4. SAKT. F. 252 Op. 2. D. 1089. Ll. 2-4.
5. SAKT. F. 252. Op. 1. D. 269. Ll. 23-42.
6. Zajonchkovsky P.A. The abolition of serfdom in Russia. M., 1960. P. 48-52.
7. Ibidem.
8. Dzhimov B.M. The character of tsarism colonial policy in the Northwest Caucasus in the second half of the 19th century // Circassia in the 19th century. Maikop, 1991. P. 65-66.
9. The Kuban calendar for 1900. V. 6. Ekaterinodar, 1899. P.1.
10. From V.P. Gromov's point of view, the distinctive feature of Cossacks' resettlements, carried out by the government, was their, rather compulsory, than voluntary nature. The government ordered to this or that Cossack army to allocate a necessary contingent for settling on certain territories of Northwest Caucasus. Frequently such actions provoked displeasure, as frequent resettlements ruined Cossacks' economy. See: Gromov V.P. The formation of Russian population in Adygea in the 19th century // Circassia in the 19th century. Maikop, 1991. P. 169-180.
11. The Kuban calendar for 1900 V. 6. Ekaterinodar, 1899. P. 12.
12. Ibidem. P. 16.
13. History of the North Caucasian peoples. V. 2. M., 1988. P. 12.
14. Ibidem. P. 214-215.
15. SAKT. F. 249. The chancellery of ordered ataman of the Kuban Cossack army. Op. 1. D. 2768. L. 1.
16. The Kuban calendar for 1900. V. 6. Ekaterinodar, 1899. P. 39.
17. Ibidem. P. 40.
18. The Russian State Historical Archives. F. 1268. The Caucasian committee (1845-1881). Op. 10. D. 77. Ll. 6-7.
19. The Kuban calendar for 1900. V. 6. Ekaterinodar, 1899. P. 40.
20. The commemorative book of the Kuban area (hereinafter referred to as – CBKA). Ekaterinodar, 1876. Otd. 2. P. 101-115.
21. Ibidem. P. 102-115.
22. Dzhimov B.M. Mentioned work. P. 65-67.
23. SAKT. F. 252. Op. 2. D. 1089. Ll. 16-18.
24. Nevskaya V.P. The land reform and abolition of serfdom in Circassia // Works of KCh NII. Cherkessk, 1957. Issue. 3. P. 117.
25. See: Dzhimov B.M. The social system of pre-reform Adygea (1800-1868)//Scientific notes of ANII. V. 11. Maikop, 1970; Nevskaya V.P. The village community of the mountain peoples of the North Caucasus (the end of 18th century – the beginning of the 20th century)//The problems of public life and mode of life of the North Caucasian peoples in the pre-revolutionary period. Stavropol, 1985, etc.
26. SAKT. F. 252. Op. 1. D. 149. Ll. 4-11.
27. The peasantry of the North Caucasus and Don in capitalism period. Rostov-on-Don, 1990. P. 21.
28. As payments were taken from every house, the feudal lords paid as much, as the poorest peasants. Numerous labour and wordly duties were added to this tax: the maintenance and correction of roads, bridges, crossings and dams, the maintenance of horses for Zemstvo police travelling, halting place duty, etc.

29. The Kuban army news. Ekaterinodar, 1867. December, 2, № 47. P. 2.
30. SAKT. F. 774. The chancellery of the assistant of the Kuban area chief on controlling mountain dwellers. 1865-1870 Op. 1. D. 35. L. 2.
31. The Kuban army news. Ekaterinodar, 1867. December, 2, № 47. P. 2.
32. CBKA. Otd. 2. Ekaterinodar, 1876. P. 101-105.
33. Ibidem.
34. The encyclopedic dictionary of Kuban history since the most ancient times till October, 1917. Krasnodar, 1997. P. 180.
35. CBKA. Ekaterinodar, 1876. Otd. 2. P. 74-75.
36. The peasantry of the North Caucasus and Don in capitalism period. Rostov-on-Don, 1990. P. 21.